

посвящаю
Дмитрию Сергеевичу
Лихачеву

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА В ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ЯРМАРОЧНОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Фольклорный материал, изучающийся в последние годы, значительно расширился. Исследователи внимательно изучают не только крестьянское устное поэтическое творчество, но и городской фольклор, в частности словесное творчество рабочих. При этом обнаруживаются связи и взаимовлияния между городским и крестьянским фольклором. Это взаимопроникновение устной поэзии различных социальных слоев совершилось у славянских народов в течение многих столетий.

Я остановлюсь на рассмотрении юмористических произведений, пользовавшихся большой популярностью на городских площадях во время народных гуляний в Петербурге, Москве, в городах Поволжья, а также на сельских и городских ярмарках, в первую очередь на Нижегородской ярмарке. При этом я не буду касаться юмористических песен, а коснусь только юмористических произведений, созданных сказовым стихом.

Народные гулянья посещались широкими кругами городского населения. Они привлекали к себе внимание и писателей и деятелей искусства.

«Не случалось ли вам,— писал В. Г. Белинский,— когда-нибудь приглядываться к шуткам паяцев и прислушиваться к их остроумным шуткам? Мне случалось, потому что я люблю иногда посмотреть на наш добрый народ в его веселые минуты, чтобы получить какие-нибудь данные насчет его эстетического направления... Посмотрите: вот паяц на своей сцене, то есть на подмостках балагана; внизу перед балаганом тьма эстетического народа, ищущего своего изящного, своего искусства; остроты буффона сыплются как искры от огнива; все смеется добродушным смехом; в толпе виден татарин: «Эй, кричит ему паяц, эй, князь,

Статья впервые опубликована в сборнике: «Славянские литературы. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации», М., 1968, стр. 294—336.— Ред.

поди, я припеку тебе пукли!» Земля и небо потряслись от хохота» (14, стр. 802—803).

П. И. Чайковский заносит в дневник 30 апреля 1887 года: «Попал в балаган на Цветном бульваре,— очень занято (куплетист, исполнитель русских песен «Ах, Ванюша, да не дури»), представление кукол (как купец в ад отправляется), курьезный оркестр, ну, одним словом, презабавно» (112, стр. 141—142).

Известный драматический артист В. Н. Давыдов описал гулянье под качелями в Саратове: «Он (простой народ.— П. Б.) веселился под качелями. Уже давно ушло в область преданий это народное удовольствие. А зрелище было красивое! Я любил бывать на этих гуляньях! Часами, бывало, когда не занят в театре, толкаюсь в толпе. Песни, хороводы, пляски, гармонь, яркие сарафаны разрумянившихся девок, голубые рубахи парней, бусы, ленты, словно на лукутинских табакерках, а рядом перекидные качели, карусель составляли очаровательную, незабываемую картину старого народного быта...» (43, стр. 168).

Народные гулянья посещал и знаменитый актер-комик К. А. Варламов и писатели А. Н. Островский, Л. Н. Толстой, А. М. Горький.

Очень интересны строки в автобиографии Ф. И. Шаляпина, посвященные народным гуляньям и тому неизгладимому впечатлению, которое произвел на него один из балаганных дедов:

«Мне было лет восемь, когда на святках или на пасхе я впервые увидел в балагане паяца Яшку.

Яков Мамонов (Мамонтов.— П. Б.) был в то время знаменит по всей Волге как «паяц» и «масленичный дед». Плотный пожилой человек с насмешливо-сердитыми глазами на грубом лице, с черными усами, густыми, точно отлиты из чугуна,— «Яшка» в совершенстве обладал тем тяжелым, топорным остроумием, которое и по сей день питает улицу и площадь. Его крепкие шутки, смелые насмешки над публикой, его громовой, сорванный хриплый голос,— весь он вызывал у меня впечатление обаятельное и подавляющее. Этот человек являлся в моих глазах бесстрашным владыкой и укротителем людей,— я был уверен, что все люди, и даже сама полиция, и даже прокурор боятся его.

Я смотрел на него, разиня рот, с восхищением запомнивая его прибаутки:

— Эй, золовушка, пустая головушка, иди к нам, гостинца дам! — кричал он в толпу, стоявшую перед балаганом.

Расталкивая артистов на террасе балагана и держа в руках какую-то истрапанную куклу, он орал:

— Прочь назём, губернатора везём!

Очарованный артистом улицы, я стоял перед балаганом до той поры, что у меня коченели ноги и рябило в глазах от пестроты одежды балаганщиков.

— Вот это — счастье, быть таким человеком, как Яшкà! — мечтал я» (115, т. 1, стр. 42).

Знаменательны слова Шаляпина о роли «балаганного деда» Якова Мамонтова в его интересе к театру:

«Не решусь сказать вполне уверенно, что именно Яков Мамонов дал первый толчок, незаметно для меня пробудивший в душе моей тяготение к жизни артиста, но, может быть, именно этому человеку, отдавшему себя на забаву толпы, я обязан рано проснувшимся во мне интересом к театру, к «представлению», так не похожему на действительность. Скоро я узнал, что Мамонов — сапожник и что впервые он начал «представлять» с женою, сыном и учениками своей мастерской, из них он составил свою первую труппу. Это еще более подкупило меня в его пользу — не всякий может вылезть из подвала и подняться до балагана! Целыми днями я проводил около балагана и страшно жалел, когда наступал великий пост, проходила пасха и Фомина неделя,— тогда площадь сиротела, парусину с балаганов снимали, обнажались тонкие деревянные ребра, и нет людей на утоптанном снегу, покрытом шелухою подсолнухов, скорлупою орехов, бумажками от дешевых конфет. Праздник исчез, как сон. Еще недавно все здесь жило шумно и весело, а теперь площадь — точно кладбище без могил и крестов.

Долго потом мне снились необычайные сны: какие-то длинные коридоры с круглыми окнами, из которых я видел сказочно красивые города, горы, удивительные храмы, каких нет в Казани, и множество прекрасного, что можно видеть только во сне и в панораме» (115, т. 1, стр. 42—43).

О Якове Мамонтове вспоминает и М. Горький (см. 41, стр. 118).

Знатоки и постоянные посетители народных гуляний упоминают и других балаганных актеров.

А. Я. Алексеев-Яковлев пишет об известном петербургском балаганном «старике» Брусенцове: «...Неистощимый шутник, прирожденный оратор, тонко чувствовавший темп и ритм речи и умевший внушать публике свою уверенность в успехе...

В Москве на Девичьем поле славился «дед» Александр Бутягин, из бывших оперных певцов, находчиво остривший на злобу дня» (б, стр. 62—63).

Вот как описывается в книге П. Н. Беркова своеобразное исполнительское искусство раешника: «Однообразно звучит рассказ служивого, от которого у публики животики подводит, а служивый-то сам и усом не поведет и глазом не мигнет...» (15, стр. 124).

Народные гулянья нашли свое отражение в искусстве: в музыкальной картине балета Игоря Стравинского «Петрушка», в картинах Б. М. Кустодиева, К. Е. Маковского и других, а также в народных лубочных картинках.

Несомненно, народные гулянья представляют большой интерес и для театролов, в частности для историков театра, и для фольклористов.

К сожалению, из-за недостатка места нам пришлось ограничиться анализом некоторых художественных средств только в юмористических произведениях: в прибаутках балаганных и карусельных «дедов», в приговорах раешников, в народной кукольной пьесе «Петрушка» и в выкриках разносчиков и торговцев, непременных участников всякого рода народных гуляний и ярмарок. Все эти произведения созданы сказовым раешным стихом.

Рассмотрим наиболее часто встречающиеся художественные средства, которые использовали балаганные «деды», раешники, петрушечники и другие. Одним из таких художественных юмористических средств был оксюморон и оксюморонные фразы, достигающие большой силы эстетической информации.

Начнем анализ оксюморона и оксюморонных фраз на материале прибауток балаганных «дедов», собранных В. И. Кельсиевым¹.

Оксюморон — стилистический прием, состоящий в соединении противоположных по значению слов в некое словосочетание. Оксюморон часто используется в юмористических и сатирических фольклорных произведениях. Кроме того, мы встречаем сочетание фраз, близких по смыслу оксюморону. Оксюморонным сочетанием фраз мы называем

¹ Записи сделаны весной 1871 года от двух балаганных «дедов», отставных солдат Ивана Евграфова и Гаврилы Казанцева. Опубликованы они братом собирателя А. Кельсиевым (см. 60, стр. 113—118).

соединение двух или нескольких предложений с противоположным значением. В русском крестьянском и городском фольклоре подобное сочетание двух прямо противоположных по значению предложений — довольно распространенный художественный прием.

Издаваясь над собственной женой, балаганный «дед» описывает ее с помощью оксюморонных фраз:

«У меня, голова, жена красавица.
Глаза-то, у ней по булавочке,
а под носом две табачные лавочки.
У ней, голова, рожа
на мой лапоть похожа»

(60, № 5, стр. 114).

Приблизительно так же описывается «красота» жены в «Прибаутке» из сборника сказок Н. Е. Ончукова:

«Жона была раскрасавица, из лохани брана,
помелом нарисована, за оконшко зглянёт, дак
три дня собаки лают,
прочь не отходят»

(86, № 240, стр. 508).

Оксюморонное построение при описании женской «красоты» мы встречаем в рукописи XVII века «Роспись о приданом».

О красоте невесты сказано так:

«Сама она в полдевята аршина,
да поперек ее половина.
В носу у ней растет калина,
а в роту выросла рябина.
Шея журавлина,
ноги корабликом.
Рожа рыжа,
а в животе грыжа».«На руках и на ногах пальцов дюжины
с четыре без мала.
Только разве пальцов двух недостало,
и то в караводе отплясала»

(2, стр. 131).

Балаганный «дед» насмехается не только над «красотой» своей жены, но и над тем, как она стряпает:

«Мастерица хлебы печь...

· · · · ·

Снизу подопрело, сверху подгорело,
с краев-то пресно, в середине-то тесто.
Не режь ножичком,
а черпай ложечкой»

(60, № 6, стр. 115).

Такое же описание «хозяйки-мастерицы» мы встречаем в «Царе Максимилиане» в речи гусара, который передает сказовым стихотворение Пушкина «Гусар» («Скребницей чистил он коня»), вставляя при этом прибаутки балаганных «дедов» и раешников. Слова гусара в «Царе Максимилиане» о «хозяйке-мастерице» почти дословно совпадают с вышеприведенными словами балаганного деда (подробнее см. 24, стр. 175).

Приглашая публику посетить балаган или покататься на карусели, балаганный «дед» иногда подшучивал над «чудаками-бедняками», выражая в то же время сочувствие этим «чудакам»:

«...У кого же в кармане гроши да прореха,
Тому не до смеха...
Есть же такие чудаки,
А прозывают их — бедняки,
Где им до богатых,
Коли ходят в заплатах,
А на ногах туфли,
Чтобы ноги не пухли»

(46, стр. 35).

Оксюморонное построение фраз при описании бедняка мы находим в начале сказки А. Новопольцева «Фома Богатый»: «Жил-был Фома Богатый: ни скинуть, ни надеть у него не было, а постлать не заводил» (83, стр. 50; 95, № 15, стр. 82).

Яркое оксюморонное изображение бедноты находим в крестьянской прибаутке: «...жили они (старик и старуха) богато, денёг скласть не во што и кошелька купить не на што... Рогатого скота было много: два кота убойных, да две кошки подойных, сука без хвоста... хлеба довольно: есть нечего, дети ревя, жонка ругаится, и старик выйдёт на улицу с народом награитца. «Эх, ребята, у меня жонка ругаитца, ребята ревут, какое весельё в избы» (86, № 240, стр. 508). С оксюморонным построением мы встречаемся в вариантах повестей XVII—XVIII веков, а также в вариантах народных сказок и песен о Фоме и Ереме:

«Они (Ерема и Фома.— П. Б.) жили-ели сладко да носили хорошо: Ерема носил рогожу, а Фома торпье» (99, т. VII, № 5, стр. 11; ср. стр. 412 наст. изд.).

Оксюморонное построение фраз используется и при шуточном описании «дедом» своего дома:

«Мой дом каменный,
на соломенном фундаменте,
труба еловая,
печка сосновая...
В доме окна большие,
буравом наверченные»

(60, № 8, стр. 115).

Сравни в «Царе Максимилиане»:

«Стоит церковь брюквенная,
двери морковные,
а замки репяные»

(25, стр. 30).

Оксюморонное описание «хоромного строения» встречаем в рукописи XVII века «Роспись о приданом»:

«...хоромное строение,
два столба в землю вбиты,
а третьим покрыты...»

(2, стр. 126).

То же находим в пародийном «Духовном завещании Елистрата Шибаева»:

«...а за оное погребение дать им за труды загородной мой собственный дом, выехав из Москвы за надолобами по Петербургской дороге: два столба врыты, а третьим покрыты...» (63, стр. 154—156).

В повести XVII века «Роспись о приданом» дается пародия на распространенные в то время подлинные росписи приданого. Балаганный «дед» в своей прибаутке также пародирует такую роспись:

«Уж и приданое мы ей, братцы, закатили:
Целый месяц тряпки собирали и шили:
Платье мор-мор
С воробыиных гор.
А салоп соболиного меха,
Что ни ткни рукой,
То прореха,
Воротник — енот.

Тот, кто лает у ворот.
На прощание ее побили
И полным домом наградили.
Дали разные вещи:
Молоток и клещи,
Чайник без дна,
Только ручка одна, да резиновые калошки
С отдушиной, без подошвы.
Рогатого скота ей: петух да курица,
А медной посуды: крест да пуговица»

(46, стр. 36).

Кроме того, «Роспись о приданом» перекликается с прибаутками балаганных «дедов» о лотерее: и там и здесь вместо ценных называются негодные к употреблению предметы.

Балаганный «дед», высмеивая лотерею, балагурит:

«Еще голова, тулуп, новый крытый,
только не шитый.
Дубовый воротник,
сосновая подкладка,
а наверху девяносто одна заплатка»

(60, № 3, стр. 116).

В «Росписи о приданом»:

«Липовые штаны,
да две дубовые простыни,
жениху дюжина рубах моржовых,
да дюжина порток ежовых»

(2, стр. 129).

«Шуба соболья,
а другая сомовья,
крыто сосновою корою»

(т а м ж е, стр. 125).

В «Лотерее»:

«Перина ежового пуха,
разбивают каждое утро в три обуха»

(60, № 14, стр. 117).

В «Росписи о приданом»:

«Перина кленова,
на ней наволока ежова.

Изголовье липовое,
а перье в нем луковое»
(2, стр. 130—131).

Как оксюморон звучит также похвала лошади в комедии «Петрушка»:

«Лошадь хоть куда:
Без гривы, без хвоста...
Только и есть, что голова одна...
Да и ее еще нет... коновалу в починку отдана»
(15, стр. 116).

Сравни в «Росписи о приданом»:

«Кобыла не имеет ни одного копыта,
да и та вся разбита»

(2, стр. 130).

Ряд ярких примеров оксюморона мы встречаем в другой рукописи XVII века «Лечебник на иноземцев»:

«Потеть три дня на морозе нагому...
...взять девичья молока три капли...»

(т а м же, стр. 121).

К оксюморону мы относим и особый юмористический прием — обозначение длины или роста мерой времени:

«Стройная, высокая (жена «деда»). — П. Б.)
с неделю ростом и два дни загнувши»
(60, № 4, стр. 114).

Расстояние также измеряется временем:

«Вот, голова, я сегодня, накануне Обухова моста,
две недели в сторону»

(т а м же, № 11, стр. 115).

В рукописи «Лечебник на иноземцев» мерами веса измеряется звук:

«Взять мостового белого стуку 16 золотников,
мелкаго вешняго топу 13 золотников, светлого
тележного скрипу 16 золотников... густово
медвежья рыку 16 золотников... курочья высо-
кого гласу полфунта»

(2, стр. 121).

В «Духовном завещании Елистрата Шибаева» лебединый крик, соколье гляденье, конское ржанье измеряются мерой длины:

«сто аршин на простыни лебединова крику...
7 аршин самого лутчаго соколья гляденья...
На балахон и на юпку — 18 аршин конского
ржания»

(63, стр. 115).

Встречается оксюморон и в русских шуточных поговорках:

«Старый знакомец, впервые видимся».

В комедии «Петрушка» мы находим своеобразный оксюморон:

«К а п р а л.

Вот я тёбя в солдаты возьму.

П е т р у ш к а.

Я не гожусь.

К а п р а л.

Почему?

П е т р у ш к а.

У меня горб.

К а п р а л.

А где он у тебя?

П е т р у ш к а.

Он там, хата на горе,

Так он остался в трубе.

К а п р а л.

Ты что чепуху порешь?»

(15, стр. 121).

Чешские народные кукольники тоже пользовались оксюмороном как одним из юмористических художественных средств. Один из кукольников острит: «крикливый глухонемой» (201, стр. 75) ².

Русский балаганный «дед» острит: «не доходя прошедш» (60, № 11, стр. 116). Здесь оксюморон состоит из двух деепричастий, причем одно отрицает другое. Сравни у чешских кукольников: кукольник Ст. Кафриол говорил: «Пусти меня вперед, и я пойду за тобой следом» (322, стр. 45).

Оксюморон мы встречаем и в народном театре живых актеров. В словацкой рождественской пьесе старый пастух так характеризует себя:

² Подробнее об использовании оксюморона чешскими кукольниками см. стр. 137—239 наст. изд.

«Я старый пастух из Риманской Субботы
Не научился никакой работе.
Только через пни и кусты перепрыгивать
И красивых девушек любить»

(214, стр. 75—88; ср. 164, стр. 191).

В юмористическом судебном приговоре барану находим: «Около Литомышля он совершил ужасное злодеяние: поджег там пруд. Наловил там рыб и утопил их в речке» (282, стр. 544).

Из юмористических художественных средств, встречающихся в прибаутках балаганных «дедов», назовем метатезу.

Метатеза — стилистическая фигура, где перемещаются части близлежащих слов, например суффиксы или целые слова в одной фразе или в рядом стоящих фразах. Балаганный «дед» в прибаутках острит:

«Черная собака за хвост *палкой привязана;*
хвостом лает,
головой качает...»

(60, № 8, стр. 115).

Метатеза часто встречается в крестьянских прибаутках. Например:

«Бывал да живал, *на босу ногу топор надевал,*
топорищем подпоясывался, кушаком дрова рубил...
сидит чесна квашия, женицыну месит. Он был
в порках, у порков гасник, он *через гасник*
скочил, порог-от и сорвался...»

(86, № 239, стр. 508).

В другой прибаутке находим:

«Живал-бывал,
на босу ногу топор обувал,
топорищем подпоясывался,
кушаком подпирался»

(т а м ж е, № 10, стр. 46).

В «Прибаутке-скороговорке»:

«Палкой шил не дошиб,
другой шил перешли,
утка сколыбалась,
озера полетело»

(т а м ж е, № 238, стр. 507).

Встречаем мы метатезу и в рукописи XVII века «Роспись о приданом»:

«Тулуп с борами,
да юпка с рукавами»

(2, стр. 128).

В народной пьесе «Царь Максимилиан» старик говорит:

«На очи не чую, на ухи не бачу!»

(29, № 1, стр. 97).

Приведем диалог из пьесы «Мнимый барин». В народной пьесе «Мнимый барин» староста докладывает барину, что сиво-пегий жеребец помер, а маменька барина, старая сука, поколела (85, стр. 312).

Свадебный дружка острит: «Шел я по дубинке, нес дорогу на плече»³.

Отметим, что метатеза часто сочетается с оксюмороном: *хвостом лает, озеро полетело; конь помер, человек подох.*

«У меня жена красавица,
под носом румянец,
во всю щеку сопля»

(60, № 3, стр. 114).

Метатезой как юмористическим приемом часто пользовались чешские народные кукольники. Приведем примеры:

«Студент.
Я студент беднет.
Ворожишек.
Кто вы?
Студент.
Простите, я оговорился, я бедный студент»

(288, стр. 92).

Вагнер в пьесе «Фауст» объявляет Кашпареку:

«Пойдем домой рубить дрова и черпать воду.
Кашпарек.
Что ты мне рассказываешь? Я должен рубить воду и черпать дрова»

(332, стр. 108).

Некоторые кукольники переделывали: «дровить руба» (*stípí dřívat*).

³ Запись П. Г. Богатырева в селе Бавыкино, Серпуховского уезда, Московской губернии, в 1914 году.

Или:

«Кашпарек.
У них пистолеты навострены и сабли заряжены»
(318, стр. 196).

Балаганные «дедь» и раешники в своих прибаутках обращаются к метафоре. Некоторые прибаутки являются целым метафорическим рассказом.

Грабежи и воровство изображаются как различные ремесла. Так, в одной из прибауток балаганный «дед» рассказывает:

«Был я тогда портным. Иголочка у меня
язовенькая только без ушка —
выдержит ли башка?
Как раз стегну,
так кафтан-шубу и сошью.
Я и разбогател»

(60, № 8, стр. 115).

В другой прибаутке балаганный «дед» рисует свои грабежи как ремесло цирюльника:

«Был я цирюльником на большой Московской
дороге. Кого побрить, постричь, усы поправить,
молодцом поставить,
а нет, так и совсем без головы оставить.
Кого я ни бривал,
тот дома никогда не бывал.
Эту цирюльню мне запретили»

(там же, № 17, стр. 117).

В одной из прибауток рассказывается, как «дед» и «рыжий» Христа славили:

«Вижу, голова, я нынче на рождестве — про-
хожий,
вот на этого рыжего похожий.
Он меня, голова, и позвал Христа славить...
Мы, голова, и прославили,
шубу с бобровым воротником сгладили»

(там же, № 15, стр. 117).

Две метафорические прибаутки изображают наказание вора как парение в бане (см. там же, № 11, стр. 115—116). Раешник изображает артиллерийскую перестрелку так:

«...прапорщик Щеголев
англичан угощает,
калеными арбузами
в зубы запускает»

(15, стр. 125).

Встречаются метафоры и в чешском кукольном театре: «Рыцарь колотит палкой всех своих домашних». В это время к нему приходит гость: «Простите, пожалуйста,— обращается рыцарь к гостю,— что я вас не приветствовал. Но, знаете, когда человек приводит в порядок свое хозяйство, он всегда рассеян» (186, стр. 120).

Комический эффект этой метафоры возникает отчасти от слишком смелой аналогии между «приведением в порядок своего хозяйства» и избиением палкой всех своих домашних.

Балаганные «деды» используют в своих прибаутках как художественное средство *гиперболу*.

В лотерее разыгрываются:

«Серьги золотые,
у Берга на заводе из меди литые,
безо всякого подмесу,
девять пудов весу»

(60, № 3, стр. 116).

Это «ювелирное» изделие напоминает ожерелье в «Росписи о приданом» XVII века:

«...да ожерелье пристяжное в три молота
стегано...

Ожерелейко серебреное в пять пуд,
что цепью зовут»

(2, стр. 125, 128).

Кольцо, как и другие ювелирные вещи, разыгрываемые «дедом» в лотерее, гиперболического веса:

«Еще кольцо золотое,
даже заказное,
у Берга отлитое,
полтора пуда весом»

(60, № 13, стр. 116).

Часы, разыгрываемые в лотерее, «на тринадцати камнях, которые возятся шестерней на дровнях» (там же).

Другой балаганный «дед» выкрикивает:

«Еще разыгрываются часы о двенадцати камнях
да на трех кирпичах,
из неметчины привезены на дровнях!»

(6, стр. 63).

В своей прибаутке балаганный «дед» использует *синонимы*:

— «У меня на Невском лавки свои:
по правой стороне это не мое,
а по левой вовсе чужие»

(60, № 8, стр. 115).

Как художественное средство синоним широко используется в повестях XVII — XVIII веков, в песнях, сказках и подписях на лубочных картинках о Ереме и Фоме:

«Ерема в чужом, а Фома не в своем»

(99, т. VII, стр. 1, ср. стр. 403—407 наст. изд.).

В «Росписи о приданом» также встречается игра на синонимах или близких синониму выражениях:

«...жена не ела, а муж не обедал»

(2, стр. 125).

Или:

«И всего приданого будет на 300 пусто,
на 500 ни кола»

(т а м ж е, стр. 126).

Встречаем в прибаутках балаганного «деда» и игру слов, близких по звучанию, но далеких, иногда очень далеких, по значению, то есть игру слов, близких к *омонимам*. Балаганный «дед» выкрикивает: «Да и умаялся, болтая с вами,— как *Archip osip* и как *Osin oхrip!*..» (6, стр. 64).

В комедии «Петрушка» встречаем сцену:

«К а п р а л.

Будешь человек *казенныи*.

П е т р у ш к а.

Как же я буду человек *скаженныи?*»

(15, стр. 121).

Подобные сцены мы встречаем и в народной драме «Царь Максимилиан»:

«Д о к т о р.

Царь, а что ты мне дашь за это?

Царь
Максимилиан.
Генерала!
Доктор.
Сам ты — *Помиралов!*
Царь Максимилиан.
Ну, *полковник*.
Доктор.
Сам-от ты — *покойник*!
Царь Максимилиан.
Ну, *подпрапорщик*.
Доктор.
Сам ты — *тряпошник*.
Царь Максимилиан.
Ну, так *поручик*.
Доктор.
Я сам тебя немного *получше!*»
(там же, стр. 243).

Подобная игра слов широко распространена в концовках русских волшебных сказок: «А когда я шел домой в синем кафтане, синичка мне и говорит: «Синь-да-хорош, синь-да-хорош», — а я думал: «Скинь да полож». Я скинул, да и положил под кокору, только не знаю, под которую...» (98, № 292, стр. 753).

Игру омонимами мы встречаем у народных чешских кукольников (см. стр. 140—142 наст. изд.)⁴.

Выше мы указывали на сходство художественных средств, используемых в русском ярмарочном фольклоре и в фольклоре крестьянском. Создатели и исполнители произведений и крестьянского и ярмарочного фольклора используют как средство юмора одни и те же тропы.

Однако ярмарочная речь имеет и свои специфические черты, отличающие ее от языка традиционного крестьянского фольклора.

Прежде всего отметим, что в ярмарочный городской фольклор влилась новая лексика. В своих прибаутках

⁴ В нашей статье мы неоднократно приводим художественные средства, используемые чешскими кукольниками. О художественных средствах, используемых на ярмарках, см. 206. Об этой книге см. 336, стр. 70—79. О чешских ярмарках и *routích* и о ярмарочном фольклоре см. также: 262, стр. 235—237; 210, стр. 239—331; 335, стр. 80—96; 296, стр. 172—179; 220, стр. 272—275. За ряд указаний благодарю д-ра Б. Бенеша.

петербургские балаганные и карусельные «деды» нередко называли петербургские улицы и места: *Невский проспект*; пошел на *Сенную*; *Обухов мост*; за *Нарвскую заставу*; в *Апраксин* продать снеси; под *Воскресенским мостом*. Нечто подобное мы встречаем в «Росписи о приданом» XVII века, где перечисляются московские места, якобы находящиеся рядом, в действительности же расположенные в разных местах Москвы, далеко друг от друга:

«А живет оная невеста
у просвирни, которая не имеет места,
за Яузою на Арбате, за Красные ворота,
на Вишвой Горке, близь Марьиной рощи,
где лежат казненные моши»

(2, стр. 131).

В ярмарочном фольклоре встречаются наименования предметов, о которых в деревне XIX века, может быть, и не слыхали: *дамы, аплике, лотерея, пике, мамзели, желе, меню* и пр.

Балаганный «дед», издеваясь над господами, которые хотят походить на иностранцев, приводит речь повара:

«А знаете, ребята, я ведь в поварах служил,
Право!

И вот скажу я вам, например,
Как готовить обед на барский манер,
А слюнки потекут — не кулаком, платком
утирайтесь,

По-барски так полагается,
Что всякая грязь в платок собирается.
Так вот обед (показывает лист бумаги) —
Это у бар называется *меню*.

И я это название не переменю.

Первое — *суп-сантэ*

На холодной воде.

На второе пирог

Из лягушачьих ног,

С луком, перцем

Да с собачьим сердцем.

На третье, значит, сладкое,

Но такое гадкое,

Не то *желе*, не то вроде *торту*,

Только меня за него послали к черту

И жалованье дать не пожелали»

(46, стр. 36—37).

Раешники показывали и называли европейские города (Париж, Берлин, Рим, Вена, Палермо) и произносили в своих комментариях целые фразы на «немецком» языке: «андерманир штук — другой вид» (15, стр. 126).

В райке были картины, изображавшие Бисмарка, Гамбетту и других иностранных политических деятелей, при этом раешники в своих комментариях подшучивали и издевались над их деятельностью (как она им представлялась).

Новые слова, входившие в ярмарочную речь, позволяли балаганным «дедам», раешникам и петрушечникам создавать новые рифмы, не встречавшиеся в крестьянском фольклоре. Приведу примеры:

«Пукли фальшивые,
а головы плешиевые»

(т а м ж е, стр. 125).

«Еще, господа, разыгрываются у меня две дамы,
которые вынуты вчерась из помойной ямы»

(60, № 13, стр. 116).

«Сарафан у ней французское пике,
а рожа в муке»

(т а м ж е, № 2, стр. 113).

«Первое суп-санте
на холодной воде».

«Ну, друзья, нечего стоять у карусели —
заходите внутрь поглядеть, как пляшут
мамзели!..»

(6, стр. 64).

«Танцевал я прежде галоп,
да расшиб себе лоб,
больше не танцую»

(т а м ж е).

«Вот французский город Париж,
приедешь — угоришь»

(15, стр. 127).

«Дворец Ватикан,
всем дворцам великан!..»

(Т а м ж е, стр. 126.)

При этом иностранные слова часто сопоставлялись с резкими, грубыми по значению русскими словами или словосоче-

тапиями: французское «нике»— рифмуется с «рожа в муке», «дамы»—«из помойной ямы».

В комедии «Петрушка»:

«М у з ы к а н т.

Это Петрушка — мусью, сам капрал...

П е т р у ш к а (*в рифму отвечает*).

— А чтоб его черт побрал»

(т а м ж е, стр. 121).

Целые пассажи построены на сходном звучании фразы на немецком языке с фразой на русском языке, причем эти фразы на разных языках имеют разное значение.

«П е т р у ш к а (*немцу*).

Бон жур!

Н е м е ц (*молча кланяется*).

П е т р у ш к а.

Отчего он молчит?

М у з ы к а н т.

Это немец.

П е т р у ш к а.

Немец! Дейч, черт бы тебя побрал!

Да как ты сюда попал?

Н е м е ц.

Я... я... я...

П е т р у ш к а.

Ты да я, нас с тобой двое... Да ты говори, не по-вороньи, а по-ярославски.

Н е м е ц.

Ва-ас?

П е т р у ш к а. Ква-ас? Какой тут квас?...

Пошел вон от нас, мы не хотим знать вас.

(Выталкивает немца вон.) Музыкант! Немец ушел квас пить»

(т а м ж е, стр. 118).

У другого петрушечника Петрушка, как бы недосыпав, перевирает немецкие слова, заменяя в рифму немецкое слово русским:

«Доннерветтер!»— кричал немец, получив удар дубинкой, на что Петрушка полуотвечал, полупереспрашивал: «Что?... Дунул ветер...» (б, стр. 60).

Иначе в крестьянском анекдоте: один сказочник для того, чтобы отличить речь немца от речи русского, уснащал ее повторением слова «так», при этом указал мне, что немцы почти после каждого слова употребляют слово «так». Петрушка, напротив, использует для юмора немецкие и французские слова, часто искажая их: ja, was, Donnerwetter, bon jour, то есть немецкие и французские слова, которые городское население слышало или от русских, или непосредственно от иностранцев.

Характерной чертой и крестьянского и городского фольклора является его тесная органическая связь жестикуляции с театральным движением.

При изучении крестьянского фольклора фольклористы все больше внимания уделяют исполнительскому мастерству певцов и сказочников. Работа А. Сатке о глухинском сказочнике Иосифе Смолке показывает, как органически связано рассказывание сказки с жестикуляцией (см. 294). И. В. Карнаухова еще в 20-е годы отмечала драматизацию сказок сказочником Белковым (см. 100, стр. 35—37, а также 59, стр. 377—378).

Ряд интересных сведений о роли жестикуляции в сказке находим в докладе Н. И. Савушкиной (см. 94, стр. 5—6).

Исследовательница Н. Владыкина-Бачинская раскрыла роль жеста при исполнении русских хороводных песен (см. 32; 33).

Свои остроты балаганные «деды», «старики» дополняли юмористической жестикуляцией, пародированием танцев, а иногда и целыми сценками. А. И. Кельсиев пишет: «Старик с разными смешными *телодвижениями* обращается с балкона с речью к публике, по возможности громко произнося свои шутки. Его каждый возглас обыкновенно прерывается взрывом хохота слушателей» (курсив мой.—П. Г.; 60, стр. 113).

А. Я. Алексеев-Яковлев так описывает исполнение балаганных прибауток дедом Брусенцовым:

«Побалагутив, «дед» внезапно хлопал себя по лбу, точно вспомнив что-либо, торопливо исчезал и выводил трех танцорок. Представив их публике и чаще всего довольно откровенно побалагутив на их счет, «дед» принимался отплясывать с ними кадриль, мазурку или «лянсе» (то есть «лансье»—«уланский танец»). Некоторые «деды», в том числе Брусенцов, вместе с танцорками выводили на балкон прирученных медведей, у Брусенцова медведю к передней лапе был приделан складной бумажный веер, которым

медведь прекомично «обмахивался», стоя на задних лапах» (6, стр. 64).

Юмористическая жестикуляция и связанные с ней юмористические театральные движения были обильно представлены исполнителями речей в народной драме «Царь Максимилиан». Н. И. Савушкина отмечает полные юмора жесты в традиционных «кругах» (хороводах) (см. 94, стр. 78). Балаганные «деды» и раешники носили своеобразный театральный костюм и гримировались.

«Закостюмированные действующие лица даваемых в балаганах представлений выходят во время антрактов на наружный балкончик и стоят молча. Чтобы гуляющий народ заметил их и столпился к балагану, вместе с ними выходит так называемый *старик*, нарочно для сего нанимаемый балагур, знающий присказки. Старик одет русским мужиком в лаптях и армяке; на голове у него большой парик, накладные усы и борода, сделанные из чесаного льна; за пазухой полуштоф» (60, стр. 113).

«Костюм и грим «деда» был традиционный, я не помню, — пишет А. Я. Алексеев-Яковлев, — отступлений от некогда, давно, по-видимому, установившегося образца. Борода и усы — из серой пакли, нарочито грубо сделанные, серый, намеренно залатанный каftан и старая круглая ямщицкая шляпа с бумажным цветком сбоку, на ногах — онучи и лапти» (6, стр. 63).

А. Я. Алексеев-Яковлев видел в Москве «балконного комика» «в соломенного цвета самодельном парике» (т а м ж е, стр. 66).

А вот грим и костюм раешника: «На нем серый, общий красной или желтой тесьмой каftан с пучками цветных тряпок на плечах, шапка-коломенка, также украшенная яркими тряпками. На ногах у него лапти, к подбородку привязана льняная борода. Это — дед-раешник» (15, стр. 127; 45, стр. 347).

Грим носил условный характер: борода делалась из льна, а у раешника — из пакли, у балконного комика самодельный парик соломенного цвета.

«В руках «деда», — пишет Алексеев-Яковлев, — нередко имелся какой-либо предмет, показывая который он и начинал балагурить, например крупно нарисованный карикатурный портрет уродливой бабы.

Вот, господа, портрет моей жены, — кричал «дед» с балкона, — она издали-то нехороша, но зато чем ближе — тем хуже!..» (6, стр. 63).

Ф. И. Шаляпин припоминает, что Мамонтов, «расталкивая артистов на террасе балагана и держа в руках какую-то истрапанную куклу, орал: «Прочь назём, губернатора везём» (115, т. I, стр. 42—43).

Предмет, который имелся в руках «деда», например уродливый портрет его жены или истрапанная кукла в руках «деда»-Мамонтова, выполнял функцию реквизита.

Прибаутки балаганный «дед» произносит, сопровождая их комической жестикуляцией, как монолог. Однако часто этот монолог переходит в диалог: «дед» задирал и вовлекал в монолог своих сотоварищей, балаганных актеров и слушателей. Кроме того, разыгрывались сценки-дуэты:

«В Москве,— пишет Алексеев-Яковлев,— под Новинским более всего запомнились мне два «балконных комика», разыгрывавших, полагаю, что собственного сочинения, сценки, в которых один изображал хозяина-немца, не то подрядчика, не то торговца, а другой — его батрака, смышленого русского парня в соломенного цвета самодельном парике. Исполнитель роли русского батрака в понравившейся мне сценке был широко известен в Москве, где его называли шутом, возможно потому, что, как слышно, он ранее был крепостным шутом какого-то чудака-вельможи.

Другой раз, уже на Девичьем поле, запомнились мне два «балаганных комика», разыгрывавшие сцену между старослужащим солдатом и новобранцем. Речь шла о военном артикуле, разных трудностях и несправедливостях солдатского житья и в отдельных частях была весьма ядовита» (6, стр. 66).

Отметим, что в кукольном театре «Петрушка» одновременно выступали только два персонажа: Петрушка и его невеста, Петрушка и цыган, Петрушка и доктор, Петрушка и немец, Петрушка и капрал, Петрушка и собака.

Объясняются эти дуэты тем, что куклами управлял только один кукольник: в одной руке у него была одна кукла, в другой — другая.

Кроме того, Петрушка вовлекал в кукольное представление живого человека, музыканта, который являлся связующим звеном между актерами-куклами и зрителями.

Описания М. М. Бахтиным средневекового карнавала, ярмарочной площади напоминают нам описания русских народных гуляний XIX века, которые остались нам В. Г. Белинский, Ф. И. Шаляпин и другие посетители этих гуляний. М. М. Бахтин уделяет значительное место ярмарочному площадному языку, фамильярной речи. Сюда

он относит площадные ругательства, божбу и клятву, проклятия, а затем речевые жанры площади — «крики Парижа», рекламы ярмарочных шарлатанов и продавцов снадобий и т. п. Мы постараемся здесь проанализировать «фамильярную» речь русских народных гуляний. Невольно бросаются в глаза черты сходства фамильярной речи, описанной М. М. Бахтиным, с фамильярной речью, которая звучала на наших народных гуляниях.

«Площадь позднего средневековья и Возрождения была единым и целостным миром, где все «выступления» — от площадной громкой перебранки до организованного праздничного зрелища — имели нечто общее, были проникнуты одной и той же атмосферой свободы, откровенности, фамильярности» (13, стр. 166). Мы постараемся показать, что и фамильярная речь на наших народных гуляниях, ярмарках и т. п. как бы перекликается с фамильярной речью позднего средневековья и раннего Ренессанса. Невольно хочется сравнить прибаутки балаганных «дедов», раешников с фамильярной речью средневековой площади. И на площади русских гуляний мы видим ту же единую атмосферу, где выступления балаганного «деда» сливаются с юмористическим проклятием. Так, в балаганной прибаутке, обращенной к публике, где «дед» издевается и над рыжими и плешивыми, которые люди «самые фальшивые», и над черными и над русыми и т. д. и т. д., он вдруг рассказывает о своем несчастье: у него в пустой корзинке кошка утопилась, и он просит у столпившихся около него слушателей денег на молочко котятам. После этих шуток и шуточек свою прибаутку «дед» неожиданно заканчивает юмористическим проклятием:

«Дай тебе бог
полну пазуху блох,
четверть вшей,
огород чертей.
Нова хата провались,
а старая загорись»

(60, № 19, стр. 117—118).

Мишенью прибауточных издевок балаганных «дедов» был «рыжий» — клоун, балаганный артист, сотоварищ «деда», стоявший рядом с ним на балконе балагана. Балаганный «дед» не стесняется в обвинении «рыжего» в самых больших пороках, в первую очередь представляет его

публике как отъявленного вора, при этом предупреждает публику беречь свои карманы от «рыжего».

В прибаутке «Книга» балаганный «дед» рекомендует себя и «рыжего»:

«Вот что, милые друзья,
я приехал из Москвы сюда,
из гостиного двора —
наниматься в повара;
только не рябчиков жарить,
а с рыжим по карманам шарить»

(там же, № 1, стр. 113).

В другой прибаутке «дед» рассказывает:

«Вижу, голова, я ныне на рождестве —
прохожий,
вот на этого рыжего похожий.
Он меня, голова, и позвал Христа славить,
в чужих домах по стенам шарить»

(там же, № 15, стр. 117).

«Дед» Брусенцов высмеивал актеров балагана и танцорок (см. б, стр. 64).

Изdevался над балаганными «танцорками» и карусельный «дед»—«дядя Серый» (там же).

«Рыжими» «дед» называл не только одного из актеров балагана, но и зрителей. «Стоя на балконе балагана или около карусели, «дед» обычно, чтобы обратить на себя внимание, придирился к кому-нибудь из публики. «А вот рыжий-то, рыжий,— кричал он,— в карман полез» (46, стр. 35).

Изdevается балаганный «дед» не только над «рыжими»:

«Рыжий, помнишь великий пост,
как теленка тащил за хвост?

Теленок кричит: «Ме»,—
а он говорит: «Пойдем на праздник ко мне».—
У кого есть в кармане рублей двести,
у рыжего сердце не на месте.

Признаться сказать, у кого волосы черны,
и те на эти дела задорны.

В особенности рыжие да плешиевые —
самые люди фальшивые.

Кому лапоть сплести,
кому в карман влезть —

и то умеют.

А виши и русый
не дает чужому карману трусу.
Как увидит, так и затрясет,
в свой карман понесет.

Вот этот капрал
у меня два хлеба украл.

А вот дикий барин дрожавши спотел,
купаться захотел»

(60, № 19, стр. 117).

В прибаутках «Лотерея» рядом с ироническим рекламным оповещением о разыгрываемых в лотерее вещах «дед» неожиданно задирает кухарок:

«Еще господа, полдюжины марок
да дюжина старых кухарок!»

(т а м ж е, № 13, стр. 116). .

В другой прибаутке о лотерее балаганный «дед» объявляет, что будет разыграна золотая булавка, и вдруг неожиданно добавляет: «А у этой кухарки под носом табачная лавка» (там же, № 14, стр. 117).

Издевки над присутствующей публикой мы встречаем и в крестьянском фольклоре. Так, в северной драме «Барин» изображается суд:

«Б а р и н.
Хозяин, хозяюшка,
Наместник, наместница,
Добрые молодцы,
Красные девушки,
Нет ле у вас промежду собой прозеб каких?

В с е.

Есть, есть.

Б а р и н.

Подходите, подходите!

(*Кто-нибудь из фофанцев (актеров.— П. Б.) подходит, изображая просителя.*)

П р о с и т е л ь.

Господин барин, прими мою просьбу.

Б а р и н.

Ты кто?

Проситель.

(Называется вымышленным именем, именем какого-нибудь парня в селе). Владимир Воронин.

Барин.

Об чем просишь?

Проситель.

На Парасковью прошу: по летам Парашка любит меня, а по зимам другого парня — Василья.

Барин.

А подойди-ко, Парасковья, сюды. Пото же это ты двух сразу любишь?

Парасковья — также настоящее имя какой-нибудь девицы на селе. Вместо нее на зов Барина подходит кто-нибудь из фофанцев и начинает спорить и ругаться с просителем. Говорят кто что вздумает; кто сильнее и остроумнее выступается, тот и больший успех имеет у публики. Барин и Откупщик советуются вслух, кто из судящихся виновен и кого наказать: парня или девку; признают виновной, например, девицу». Барин наказывает парня-актера, изображающего Парашку.

Далее Н. Е. Ончуков рассказывает: «За первым просителем является другой и выкладывает еще какую-нибудь просьбу про соседа, про жену и других. В основание просьб кладется обыкновенно какой-нибудь действительно существующий в селе факт, который, конечно, преувеличивается, доводится до смешного, до абсурда, и, таким образом, суд является сатирой на местную жизнь и нравы, иногда очень злой, порой жестокой... Затем начинается продажа коня. Откупщик просит у барина за коня:

«Сто рублей деньгами,
Сорок сорокушек
Соленых...
Сорок анбаров
Мороженых тараканов,
Аршин масла,
Кислого молока три пасма...»—

и неожиданно заканчивает:

«Михалка Тамицына нос,
Нашей Кожарихи хвост»

(85, стр. 114—116).

Н. Е. Ончуков далее в примечании указывает: «Пробирают» жителей села, выделяющихся какими-нибудь физическими недостатками или пороками. В Нижмозере, например, говорят: «Куричей зоб, Улькин лоб» и т. д.» (там же, стр. 116).

Подобные же издевки над односельчанами мы встречаем в чешской народной обрядовой игре «Преследование и обезглавливание короля».

Глашатай представляет публике всех хозяев, хозяек и их дочерей, начиная с первого дома и до последнего:

«Начинаю от Адама,
у него много несчастных телят:
один куцый, другой русый,
третий еле тащит хвост».

Так глашатай переходит от дома к дому...

«Пойдем к следующему дому.
Тут приходится посрамить хозяев:
Дрда продал коней,
неделю оплакивал их.
Его жена продала коров,
потому, что не имела для них травы.
Сын прокутил волов,
якобы не было для них воды.
Дочка продала свиней,
не имела чем кормить.
Пойдем дальше,
здесь есть что похвалить:
девушки Емина словно цветочки,
когда их освещает солнце,
умеют молотить, умеют шить,
умеют также хозяйничать.

Здешнему куму — кузнецу —
всего хватает.

А чего может ему не хватать,
если у него и сталь и железо.
Но жена у него
неудачна.
Что делает кузнечиха,
когда мужа нет дома?
Что делает кузнечиха,
когда он ушел?

Сидит на лавочке
и зовет парней:
парни, заходите к нам,
мужа нет дома.

У Жижки камин,
баба упала с камина,
на веки веков — аминь!»

(338, стр. 335—338).

Как видим, глашатай (в чешском народном театре исполняет роль современного конферансье) не только высмеивает, но и хвалит односельчан — правда, не многих.

При обряде «Обезглавливание петуха» присутствующие оповещаются о том, что завещал им приговоренный к казни петух:

«Прежде всего завещаю гребешок хозяйке в Свойшицах, ведь она по лени совсем не расчесывает волосы, и они у ней свалялись, как жгут. Язык завещаю старым бабам, ведь у них от сплетен языки притутились. Мозг завещаю старому Рамбоуксу из Ражова, он хочет стать старостой. Перья завещаю панам жандармам для шляп. Желчь завещаю злюкам: когда у них лопнет своя желчь, чтобы было чем заменить... Сердце завещаю неверным женам, чтобы были мужьям верны. Ноги завещаю парням, чтобы могли бегать за девчатами (как бегал он). Остальное мясо всем собравшимся. Виват!» (там же, стр. 557—558).

Тот факт, что издевки балаганных «дедов», чешских глашатаев и других обычно добродушно переносятся публикой, объясняется общим веселым настроением ярмарочной толпы, своеобразной карнавальной атмосферой, культом смеха, когда насмешки воспринимаются больше как шутка, чем как сатира.

Нам кажется, что публика незлобиво переносит издевки балаганных «дедов» и им подобных насмешников и потому еще, что балаганный «дед» насмехается над своими сотоварящими, балаганными артистами, и особенно остро и безжалостно издевается над самим собой и над своими близкими, в первую очередь над собственной женой.

Приведем пример, где балаганный «дед» смеется над самим собой:

«Я к нему, спотыкнулся да упал,
прямо на шесть рублей в карман и попал.

Он, господа, меня так благодарил,
чуть-чуть до смерти не убил»

(60, № 13, стр. 116).

Вспоминая свое детство, балаганный «дед» рассказывает:

«Будет разыгрываться великим постом,
под Воскресенским мостом,
где меня бабушка крестила,
на всю зиму в прорубь опустила.
Лед-то раздался,
я такой чудак и остался»

(там же, № 14, стр. 117).

«Вот, господа, я к вам пришел
с масленицей вас проздравить
да ваши карманы ошарить»

(там же, № 13, стр. 116).

Наиболее беспощадной и злой издевкой над самим собой является рассказ «деда» о том, как он попал за воровство в «баню», то есть в полицейский участок, где подвергся телесному наказанию.

«Я по Невскому шел, четвертака искал, да в чужом кармане рубль нашел, едва и сам ушел. Потом иду да подумываю.

Вдруг навернулся купец знакомый да нездоровий, только очень толсторожий. Я спросил: Дядюшка, в которой стороне деревня? А он мне сказал: У нас деревни нет, а все лес. А я к нему в карман и влез. Он меня взял да в баню и пригласил. А я этого дела не раскусил: я на даровщинку и сам не свой.

Приходим мы в баню. Баня-то, баня — высокая. У ворот стоят два часовых в медных шапках. Как я в баню-то вошел да глазом-то окинул, то небо и увидел. Ни полка, ни потолка, только скамейка одна. Есть полок, на котором черт орехи толок. Вот, голова, привели двоих парильщиков, да четверых держальщиков. Как положили меня, дружка, не на лавочку, а на скамеечку, как начали парить, с обеих сторон гладить. Вот тут я вертелся, вертелся, насилиу согрелся. Не сдержал, караул закричал. Банщик-то добрый, денег не просит, охапками веники так и носит.

Как с этой бани сорвался, у ворот с часовым подрался»
(там же, № 10, стр. 115).

Вся эта прибаутка — метафорическое изображение полицейского участка, в котором за воровство «парили» балаганного «деда».

Раньше, говоря о метафоре, мы приводили отдельные места из другого варианта балаганной прибаутки тоже под названием «Баня». Фамильярный тон мы встречаем и в пояснениях раешника к картинкам своей «панорамы».

Так, нижегородский раешник высмеивает московских купцов, при этом называет купца Левку. Неизвестно, подлинное ли это имя одного из купцов или придуманное раешником:

«А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать: нижегородская макарьевская ярманка; как московские купцы в нижегородской ярманке торгуют; московский купец Левка торгует ловко, приезжал в макарьевскую ярманку,— лошадь-то одна пегая, со двора не бегает, а другая — чала, головой качает; а приехал с форсуном, с дымом, с пылью, с копотью, а домой-то приедет,— неча лопати: барыша-то привез только три гроша: хотел было жене купить дом с крышкой, а привез глаз с шиншкой...» (15, стр. 125).

Достается от раешника и другим народам и иностранным политическим деятелям, французским, английским, немецким, а также вражеским солдатам.

Но тот же раешник для красного словца не прочь подшутить и над своими:

«А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, как князь Меньшиков Сивостополь брал: турки палят — все мимо да мимо, а наши палят — все в рыло да в рыло; а наших бог помиловал: без головушек стоят, да трубочки курят, да табачок нюхают, да кверху брюхом лежат» (там же).

Не прочь петербургский раешник поиздеваться и над самим собой:

«А вот и я, развеселый потешник,
Известный столичный раешник,
Со своей потешною панорамою:
Картинки верчу-поворачиваю,
Публику обморачиваю,
Себе пятаки заколачиваю!..»

(там же, стр. 126).

В юмористическом репертуаре ярмарок, народных гуляний, па роуті и т. п. играли значительную роль выкрики разносчиков-торговцев, зазывающих рядом с балаганными «дедами», раешниками и другими актерами к себе покупателей.

Выкрики продавцов-разносчиков сохранились и до нашего времени. Естественно, ради рекламы продавцы часто в гиперболической форме расхваливали свой товар. Так, в свое время продавец выкрикивал:

«Вот спички Лапшина
горят, как солнце и луна.
Диво-дивное! Чудо-чудное,
а не товар!»

(17, стр. 42; 158, стр. 66).

Однако, обращаясь к своим покупателям, продавцы позволяют себе не только расхваливать свои товары, но и задирать покупателей. Иногда для вищего юмора, а также и для привлечения публики продавец не отказывается от издевки не только над покупателем, но и над своим товаром, над самим собой, над своей семьей:

«Наш торговый Демьян
Постоянно весел-пьян.
Пьяный напьется —
С женой подерется.
На базар придет —
И песен запоет:
Наша хата
Утехами богата —
Расчески-гребешки,
Свистульки-петушки.
Есть мыла пахучие,
Ситцы линючие,
Пудра, помада,
Кому чего нада.
Старому, и малому,
И парню удалому,
Беззубой старухе,
И красивой молодухе.
Товар продаем,
А за присказку денег не берем.
Только слушай кума,
Не набирайся ума.

У меня есть дом,
На колу висит
Кверх дном.
Дверями в воду,
Куда нет тебе ходу.
Есть при доме огород,
А в огороде
Винной завод.
Колеса вертят паром,
А водка подается даром.
Есть там пряники медовые,
Зато и люди там живут бедовые.
Девицы замуж не выходят,
Да и без мужей
Хорошо девчата родят.
Да и бабы там гладкие
И до товару падкие.
Как ко мне соберутся,
Так из-за товара
Все и раздерутся»

(96).

Сходна с предыдущей торговой прибауткой другая:

«Варварушка, подходи
Да тетку Марью подводи.
У плешивого Ивана
Торговля без обмана.
Он товар продает
Всем в придачу дает:
Пеструю телушку
Да денег полушку,
С хлебом тридцать амбаров
Да сорок мороженых тараканов,
На прибавку осла
Да бородатого козла»

(т а м ж е).

Как видим, приемы ярмарочных торговцев перекликаются с приемами балаганных зазывал: и те и другие ради красного словца не жалеют не только окружающую публику, но и самих себя. Издеваются они также и над близкими.

В упомянутой выше книге М. М. Бахтин пишет, что «бытовые и художественные жанры площади средневековья очень часто так тесно переплетаются между собой, что

между ними иногда бывает трудно провести четкую границу. Те же продавцы и рекламисты снадобий были ярмарочными актерами... (13, стр. 165).

Сравнивая рекламные приемы русских торговцев с рекламными приемами русских балаганных зазывал, мы находим сходные черты у тех и других. Один из торговцев выкрикивал о самом себе:

«Он не дорого берет,
по дешевке продаёт,—
вот где пошло-то,
вот где повалило-то!
Шумят, гамят,
надвигаются,
к моему-то шалашу
подбираются!»

(17, стр. 47; 158, стр. 66).

Шумливое поведение баб около торговой лавки напоминает нам драку баб из-за товаров Демьяна в вышеприведенном выкрике этого торговца.

Сходные приемы использовали балаганные зазывалы. Помню, как я подошел к одному балагану, откуда выскоцил зазывала с криком: «Опять полно! Ей-богу, полно!» Но когда я купил билет и вошел в балаган, балаган оказался пустым.

Расхваливая свои товары, торговцы зазывают проходящих. При этом они перечисляют наиболее распространенные женские и мужские имена, тем самым заставляя носителей этих имен остановиться и подойти к торговцу. Так, торговец семечками кричит:

«Семячки калены
продают Алены:
Нюркам и Шуркам,
Сашкам и Пашкам,
Варюшкам и Манюшкам,
Наташкам и Парашкам,
Тишкам и Мишкам,
Ваненькам и Васенькам,
Гришуткам, Мишуткам,
Ганькам и Санькам.
Всем продаем
И всем сдачу даем»

(17, стр. 48; 158, стр. 66).

Балаганный «дед», чтобы привлечь внимание к своим прибауткам, часто, задирая публику, перечисляет профессии окружающих его зрителей, он насмехается и издевается над кухарками, поварами, мастеровыми: кузнецом, токарем, столяром, слесарем, плотником, башмачником, сапожником и прочими (см. 60, № 15, стр. 117; № 19, стр. 117).

Говоря об оксюморонах и оксюморонных сочетаниях фраз, мы привели ряд резких издевок балаганного «деда» над своей собственной женой, над ее уродливостью, неряшливостью, над ее неумением вести хозяйство и т. д. и т. д. Приведу еще один пример:

«Жена моя солидна,
За три версты видно...
Уж признаться сказать,
Как, бывало, в красный сарафан нарядится
Да на Невский проспект покажется —
Даже извощики ругаются,
Очень лошади пугаются.
Как поклонится,
Так три фунта грязи отломится»

(там же, № 4, стр. 114).

Фамильярный тон звучит и в речи Петрушки. Вот как Петрушка обращался к публике:

«Здорово, ребятишки,
Здорово, парнишки!..
Бонжур, славные девчушки,
Быстроглазые вострушки!..
Бонжур и вам, нарумяненные старушки,—
Держите ушки на макушке!..»

(6, стр. 59).

Цыган просит за лошадь 200 рублей, Петрушка отвечает:

«Получи палку-кучерявку
Да дубинку-горбинку,
И по шее тебе и в спинку»

(15, стр. 117).

Самый злой насмешник и забияка, Петрушка не прочь посмеяться над своей Прасковьей Пелагеевной и над самим собой.

Избив капрала, который спасся бегством, Петрушка радостно объявлял:

«— Обслужил — и чистую отставку получил.
Музыкант! Теперь мне самый раз жениться на московской молошнице — на Параше...
Любезная сердцу Прасковья Пелагеевна, пожалуйте-ка сюда... Музыку!..»

Танцуя, появлялась Параша, Петрушка подпевал:

«Эх, что ты... что ты... что ты...
Я — солдат девятой роты,
Ты такая, я такой —
Ты косая, я кривой!..»

(6, стр. 62).

Фамильярная речь звучит и на свадьбе в приговорах свадебного дружки. Так, дружка высмеивает старух:

«Старые старухи,
Запешные грызухи,
Кисельные осадницы,
Молодым людям досадницы,
Косые заплатки,
Толстые запятки.
Ваше дело на улицу ходить
Да про снох колотить:
«У меня сноха такова-сякова», —
А не подумает старуха, какова сама-то была»

(76, стр. 123).

Сказочники-шутники, как указывают Б. и Ю. Соколовы, часто вставляют в свои сказки насмешки над своими односельчанами, в том числе над своими слушателями. Таков В. В. Богданов. «Он вечно подмигивает, подтрунивает. Особенно много достается его сослуживцу, старику сторожу Созонту Петрушечеву... Богданов умеет увлечь слушателя своей сказкой, умеет ввести его в ее содержание. Много здесь помогают его постоянные намеки, подмигивания или просто указания на известных слушателям местных лиц, с которыми он сближает героев сказки... Мы записывали в просторной избе. В. В. был в ударе, в особенно веселом настроении. Вокруг нас, по обычаю, собралось много народа. Приходили сюда и местные члены причта. Сказка касалась духовенства. Помним, каждую подробность рассказа В. В. сопровождал жестикуляцией и подмигиванием,

намекавшими на знакомые слушателям отношения и лица. При этом В. В. не упускал случая затронуть даже здесь присутствующих лиц, чем вызывал особую веселость у слушателей. Но лишь только одно из этих лиц подходило к столу и начинало прислушиваться, тон В. В. изменялся, физиономия его принимала невинное выражение, и он даже умалчивал некоторые подробности. Стоило только указываемому лицу отойти от рассказчика, глаза В. В. вновь приобретали плутовское выражение, и снова начинались прежние «экивоки» и юмористическая сказка переходила в сатирический памфлет... В. В. не прочь ввести себя самого в содержание сказки» (101, стр. LXXIII — LXXIV).

Некоторые сказочники, как балаганные «деды» и раешники, подсмеиваются над собой, сопоставляя недостатки неудачливых героев со своими недостатками. Б. и Ю. Соколовы о сказочнике Созонте Кузьмиче Петрушечеве пишут: «С. К. Петрушечев — маленький, невзрачный стариочек. Его неказистая фигурка получает ряд дополнительных штрихов от его необычайной неряшливости и нечистоплотности: его верхняя губа всегда запачкана нюхательным табаком, нос держится в большой неопрятности... Он сам не прочь подтрунить над самим собой. Последняя черта находит себе место и в сообщенных им сказках. В сказке «Иван Дурак» он делает добродушное признание, говоря про трех сыновей мужичка: «А был вот мужичок, у него было три сына: два умных, а третий дурак, как и я, Созонт». Самую убогую внешность Ивана Дурака он сознательно срисовал с самого себя: «Соплеватой, возгреватой, слизноватой», — и этой наглядной иллюстрацией невольно вызвал у слушателей дружный взрыв смеха» (там же, стр. LXIII — LXIV).

Почти все непесенные фольклорные произведения исполнялись на русских народных гуляниях, ярмарках сказовым (также именуемым раешным, или лубочным) стихом. За последние годы появился ряд интересных статей, посвященных исследованию этого стиха.

Л. С. Шептаев в статье «Русский раешник XVIII века» (117) анализирует повести XVII века, целиком или частично написанные сказовым (раешным) стихом. Автор справедливо полагает, что так называемый раешный стих бытовал задолго до XVII века. П. Н. Берков считает «древнейшими образцами стиха, позднее получившего название «раешного», такие места в «Молении Даниила Заточника», как: «Кому Переславль, а мне гореславь;

кому Боголюбово, а мне горе лютое; кому Лачеозеро, а мне много плача исполнено» (15, стр. 31).

С Берковым соглашаются В. П. Адрианова-Перетц и Д. С. Лихачев во вступительной статье к сборнику «Демократическая поэзия XVII века». Помимо примеров из «Моления Даниила Заточника» авторы цитируют подобные стихи из «Слова о хмеле» (1470): «...долго лежати — добра не добыти, а горя не избыти, лежа не мощно бога умолити, что и славы не получити, а сладка куса не снести, медовые чаши не пити, а у князя в нелюбви быти... недостатки у него дома сидять, а раны у него по плечем лежать...» (44, стр. 10).

Исследователи справедливо указывают, что так называемый раешный стих появился на Руси задолго до «райка». Поэтому я предпочитаю так называемый раешный стих называть «сказовым». В отдельных местах рядом с именованием «сказовый» я в скобках ставлю «раешный», или «лубочный».

Ценны в статье Л. С. Шептаева страницы, посвященные рифме сказового стиха, композиции строфы его, свободе ритмического рисунка, лексике и другим специфическим чертам сказового стиха. Автор внимательно проанализировал рифмованные русские пословицы, из которых многие созданы стихом, близким сказовому стиху. К сожалению, автор отводит в своей работе мало места сравнению раешного стиха XVII века со стихом, записанным из уст исполнителей XIX — XX веков.

Во вступительной статье в книге «Демократическая поэзия XVII века» В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева мы встречаем ряд интересных наблюдений над разнообразными видами сказового раешного стиха. Авторы отмечают, что «грамматическая односторонность рифмующихся слов — это не недостаток рифмы, не результат творческой бедности авторов, а органическое свойство раешного стиха, которое позволяет строить синтаксический параллелизм, вскрывающий параллелизм смысловой» (там же, стр. 13).

Это положение в своей основе вполне справедливое, и его можно углубить и подкрепить примерами, в частности, из устной раешной речи. Так, в балаганной прибаутке «деда» «Свадьба» мы встречаем нарочитые повторения рифмы:

«Невесту в телегу вворотили;
А меня, доброго молодца, посадили.

Тут сейчас прибежали,
Меня связали, невесте сказали,
Так меня связанного и венчали...»

(60, № 2, стр. 114).

Петрушка хвалится:

«Невесту добыл,
Немца убил,
Лошадь купил,
А подлеца капрала проводил»

(15, стр. 122).

Для стиха сказового (раешного) В. П. Адрианова-Перетц и Д. С. Лихачев принимают термин «скомороший стих», но при этом добавляют: «Принимая термин «скомороший» стих, следует все же помнить, что самое развитие этого вида рифмованной речи было обусловлено характерной чертой общенародного, а не только профессионального скоморошьего языка: склонностью широко применять самые разнообразные рифмы и ассоансы, особенно афористической речи» (44, стр. 10).

В статье «Влияния народной словесности на Тредиаковского» Р. О. Якобсон отводит несколько страниц анализу сказового (лубочного) стиха.

«Каждый (лубочный) стих, — говорит Якобсон, — заключает в себе не более четырех ритмических единиц. Назовем их условно «стопами».

4 стопы: А зовут / меня, молодца / Петруха / Фарнос,
Потому что / у меня / большой / нос.

3 стопы: Отправляется / с золота / мешком,
А возвращается / с палочкой / пешком.

2 стопы: Мыши / ермаки
Надели / колпаки.

1 стопа: Наш
Ералаш.

Иногда ритмическая единица (стопа) состоит из ряда слов, объединенных логическим ударением:

А вот / извольте посмотреть / андреанир штук / другой вид, Успенский / собор / в Москве / стоит.

От искусной, живой комбинации неравностопных, если можно так выразиться, стихов, а также от характера самой стопы зависит в значительной степени художественность

лубочного стихотворения. Вслед за примерами двустиший с одинаковым количеством стоп в обоих стихах приведу теперь несколько типичных образчиков сочетания двух неравностопных стихов (или, в номенклатуре Тредиаковского, стихов «неравной» меры).

4 + 2: Милости / прошу // ко мне / голику,
Понюхать / табаку.

2 + 4: Знавал ли ты / Фарноса
Желаешь ли ты / посмотреть // красного моего /
носа.

Однако число таких двустиший сравнительно невелико, так как весьма прост процесс стяжения двух таких «стоп» в одну, причем немаловажная роль здесь, по-видимому, принадлежит цезуре. Впрочем, точно обрисовать это явление я покамест не в состоянии» (123, стр. 628—630)⁵.

Исследования литературоведов убедительно показали, что сказовый (раешный) стих восходит к далекому прошлому, имеет свою историю. В дальнейшем следует определить отдельные виды сказового стиха как в фольклоре городском, в фольклоре народных гуляний и ярмарок, так и в традиционном крестьянском фольклоре. В письменных памятниках сказовый стих находился под влиянием литературной стихотворной традиции силлабического и позднее силлабо-тонического стиха. У авторов демократических повестей, стихотворных жарт и других произведений XVII — XVIII веков происходит как бы борьба между признанным литературным стихосложением и стихом устным, сказовым. Так, например, некоторые стихотворные жарты начинаются с силлабического стиха, а потом отступают от него под влиянием стиха сказового. Попадая в печать, сказовый стих исправляется, следя нормам стиха литературного. Так, в рукописных стихотворных жартах рядом с силлабическим стихом попадаются стихи, близкие к сказовому стилю. Когда же эти жарты печатаются в сборнике «Старичок Бесельчак», отдельные места, написанные сказовым стихом, исправляются, и печатные жарты становятся ближе к силлабическому стилю, подчиняясь его нормам.

⁵ Здесь же Р. О. Якобсон приводит примеры разностroфных (4, 3, 2, 1) стихов в лубочном стихе, а также примеры из Тредиаковского и Пушкина. Я привожу из статьи Р. О. Якобсона только по одному примеру шуточного стиха.

Нам кажется, что исследователям в первую очередь надо заняться точной фиксацией сказового стиха в его устном исполнении. В частности, это необходимо для разрешения такого важного вопроса: в какой мере рядом стоящие рифмованные стихи, отличающиеся — иногда резко — по количеству слогов, произносятся в одинаковое или приблизительно одинаковое время. Н. С. Трубецкой на одном из заседаний Комиссии по народной словесности при Этнографическом отделении ОЛЕАиЭ указал на то, что сказовые стихи с разным количеством слогов произносятся их исполнителями в течение одного и того же времени. Для точного установления, в какое время произносятся два рифмованных стиха, необходима магнитофонная запись.

Научной студенческой экспедицией МГУ в 1966 году на Севере был записан на магнитофонную пленку приговор свадебного дружки, в котором рифмованные стихи с различным количеством слогов произносились в одно время.

К сожалению, точных машинных записей сказового стиха очень мало, и нам приходится пользоваться только печатным текстом XIX — XX веков. Нужно сказать, что и эти опубликованные в печати записи в большинстве своем недостаточно точны для подсчета количества слогов в рифмующихся стихах. Так, А. Кельсиев в предисловии к «Петербургским балаганным прибауткам» писал: «Я... в двух-трех местах смягчил слова, опустил повторения...» (60, стр. 113). В записях В. Кельсиева «деды» часто повторяют слова-обращения к публике — «голова» и «господа». В большинстве случаев вместо этих слов в печатном тексте ставилась одна буква «г», и мы не знаем, как в каждом отдельном случае произносил эти слова «дед». Вообще большинство текстов ярмарочного фольклора записано не фонетически, и мы не знаем, как произносилось то или иное слово. В дальнейшем я привожу примеры отдельных стихов из ярмарочного фольклора и фольклора крестьянского с указанием количества слогов рифмующихся стихов по печатным источникам, учитывая, что эти примеры далеко не точны. Однако в тех случаях, где по печатным текстам разница в количестве слогов двух рифмующихся стихов очень велика, она показывает, что и во время произнесения количество слогов в этих стихах было различным. При произнесении в одно время двух рифмующихся стихов, сильно различающихся по количеству слогов, изменяется ритмическая и декламационная структура каждого стиха.

В ярмарочном фольклоре — в прибаутках балафанных и карусельных «дедов», в пояснениях раешников к панорамам, в комедии «Петрушка» и в выкриках торговцев — парные рифмованные стихи могут иметь одинаковое или близкое количество слогов или же количество слогов может сильно разниться.

Приведем прибаутки балаганных и карусельных дедов. Однаковое количество слогов:

«Рыжий, помнишь великий пост,	(8 слогов)
как теленка тащил за хвост».	(8 слогов)
«Кому лапоть сплести,	(5 слогов)
Кому в карман влезть».	(5 слогов)

С близким количеством слогов:

«У кого есть в кармане рублей двести,	(11 слогов)
У рыжего сердце не на месте».	(10 слогов)

Рифмованные стихи, сильно различающиеся по количеству слогов:

«На том свету	
Соломенную шляпу тебе, Рыжий сплету».	
	(4 и 13 слогов)
«Есть полок,	
На котором черт орехи толок».	(3 и 10 слогов)

У раешников:

«Города мои смотрите,	(8 слогов)
А карманы берегите.	(8 слогов)
Наша именитая знать	(8 слогов)
Ездит туда денежки мотать.	(9 слогов)
А этот товар московского купца Левки	
	(13 слогов)
торгует ловко.	(5 слогов)
Хотел было жене купить дом с крышкой,	
	(11 слогов)
а привез глаз с шишкой».	(6 слогов)

Приведу несколько примеров из комедии «Петрушка», где использован сказовый стих:

«Все это хорошо и ладно,	(9 слогов)
Да для тебя будет накладно.	(9 слогов)
Ты его убил.	(5 слогов)
Кто его купил?	(5 слогов)

Последние гроши потратишь	(9 слогов)
Да еще по спине схватишь.	(8 слогов)
Две копейки	(4 слога)
Да кулаком по зашейке».	(8 слогов)

Выкрики торговцев:

«Ай да сбитень, сбитенек,	(7 слогов)
Кушай девка, паренек.	(7 слогов)
Сам шевелится	(5 слогов)
И никакого квартального не боится».	

(13 слогов)

При рассмотрении различных жанров крестьянского непесенного фольклора мы находим в приговорах свадебного дружки, в отдельных местах сказок, как волшебных, так и бытовых, в пословицах, поговорках и загадках рифмованные стихи, одинаковые и близкие по количеству слогов, а также рифмованные стихи, сильно разнящиеся между собой по количеству слогов.

В приговорах дружек большой разницы в числе слогов рифмующихся стихов обычно нет:

«Кочергой загребай,	(6 слогов)
Помелом заметай»	(6 слогов)

(76, стр. 125).

Однако встречаются приговоры, в которых рифмованные стихи более резко различаются по количеству слогов:

«Топ через порог,	(5 слогов)
Брызни в потолок,	(5 слогов)
Все черти на печке забились в уголок»	

(12 слогов)

(т а м ж е, стр. 122).

Также в отдельных местах сказок мы встречаем сказовые стихи.

В сказочном зачине:

«Вот в некотором царстве,	(7 слогов)
в некотором государстве,	(8 слогов)
а может быть, и в том,	(6 слогов)
в котором мы живем»	(6 слогов)

(98, № 111, стр. 362).

В середине сказки:

«Близко ле, далеко ле,	(7 слогов)
Низко ле, высоко ле	(7 слогов)
	(86, стр. 4).
Дело пытаешь	(5 слогов)
Или от дела лытаешь»	(8 слогов)
	(51, № 86, стр. 261).

В концовках сказки:

«И я там был,	(4 слога)
Мед-пиво пил	(4 слога)
	(95, № 104, стр. 312).
Сказка вся,	(3 слога)
И врать нельзя	(4 слога)
	(98, № 172, стр. 741).
Тебе сказка,	(4 слога)
А мне кренделей связка»	(7 слогов)
	(т а м ж е).

Мастерски использовал сказовый стих в различных видах прозы знаменитый сибирский сказочник Абрам Новопольцев (см. 83). Некоторые из его сказок почти целиком рассказаны сказовым стихом.

В 1915 году Р. О. Якобсон и я записали ряд народных анекдотов в деревне Дворики, Верейского уезда, Московской губернии, от крестьянина Н. Кинарейкина, которые он рассказывал нам сказовым стихом. Приведу отрывок из анекдота «О немце»:

«Ани взяли на абман	(7 слогов)
Иму патрезыли карман.	(8 слогов)
Ани с карманым атхватили	(9 слогов)
И ис церкви укатили».	(8 слогов)

То же встречаем в пословицах:

«На брюхе щелк,	(4 слога)
а в брюхе щелк».	(4 слога)
«Гусли звонки,	(4 слога)
да струны тонки».	(5 слогов)
«Тяну лямку,	(4 слога)
пока не выроют ямку»,	(8 слогов)

В загадках:

«Стоит поп низок,
На нем сто ризок». (5 слогов)
(5 слогов)

(Вилок капусты)

«Сидит барыня в ложке,
Свесив ножки». (7 слогов)
(4 слога)
(Лапша).

В повестях XVII века мы находим сказовые (раешные) стихи:

1) с равным числом слов в каждом стихе:

«В носу у ней растет калина,
а во рту выросла рябина...» (9 слогов)
(9 слогов)

2) с близким количеством слов:

«Рожа рыжа,
а в животе грыжа». (4 слога)
(6 слогов)

3) со значительной разницей в количестве слов:

«Кобыла не имеет ни одного копыта, (14 слогов)
да и та вся разбита». (7 слогов)

(Примеры взяты из «Росписи о приданом».)

Целый ряд других примеров находим в статье Л. С. Шептала «Русский раешник XVII века».

Разнобой в количестве слов в рифмующихся стихах мы находим уже в «Молении Даниила Заточника». Так, наряду с рифмующимися стихами, имеющими одинаковое количество слов —

«Кому Боголюбово,
А мне горе лютое»,— (7 слогов)
(7 слогов)

мы встречаем рифмующиеся строки с разным количеством слов:

«Кому Лаче-озеро,
а мне много плача исполнено»,— (7 слогов)
(10 слогов)

и дальше стихи со значительной разницей в количестве слов:

«Лутче бы коему человеку изволи дом погрести,
(17 слогов)
нежели злу жену в дом привести». (10 слогов)
(70, стр. 115; 107, стр. 499).

Большой интерес представляют, как уже неоднократно отмечали исследователи, в сказовом стихе рифмы. Л. С. Шептаев приводит ряд рифм повестей XVII века, написанных раешным стихом. При этом он указывает, что в раешном стихе встречается не только рифма глагольная, но рифмуются и другие части речи (см. 117, стр. 25—26). Точно так же и в разных видах ярмарочного фольклора помимо глагольных рифм часто рифмуются и другие части речи: существительное с существительным (*двора — повара, лопата — заплата — ребята, на бале — подвале*); прилагательное с прилагательным (*плешивый — фальшивые, черны — задорны*); разные части речи (*теленок кричит ме — ко мне, под кокорой — под которой, Ненила — не мыла, дверти — не на месте*).

Как мы уже выше показали, в ярмарочном фольклоре иногда используется внутренняя рифма, которая иногда является и повторяющейся:

«Вот моя книга-раздвига»

(60, № 1, стр. 113).

«От прелести-лести

Сяду на этом месте»

(т а м ж е).

«Там девушки гуляют в шубках,

В юбках и тряпках,

В шляпках, зеленых подкладках»

(15, стр. 125).

Сравни с поговоркой и загадкой:

«У Фили были,
У Фили жили,
Да Филю же и побили.
Зяб-перезяб
В тонких березях (оконное стекло)».

Широко распространена в ярмарочном фольклоре и корневая рифма.

Прибаутки балаганных «дедов»:

«Был Герасим,
который у нас крыши красил»

(60, № 2, стр. 114).

«Не режь ножичком,
а черпай ложечкой»

(т а м ж е, № 6, стр. 115).

Раек:

«Лошадь-от одна пегая,
со двора не бегает,
а другая — чала,
головой качает»

(15, стр. 125).

Сравни с концовкой сказки и с поговоркой:

«Кто сказку слушал,
тому золото в уши»

(98, № 16, стр. 126).

«Шурин
глаза щурит...»

Интересные рифмы и ассоансы приведены в упомянутой статье Р. О. Якобсона: *Богдан — бог дал, Устин — упустил, Потап — потратить, Давыд — давить, Лазарь — слазил, Перша — перцу, Филипп — пилить, Савва — сала, Пахом попахал, кучер — кучи, на дровнях — дробью* (123, стр. 628).

В прибаутках балаганных «дедов», в комментариях раешников, в комедии «Петрушка» сказовый стих перемежается с прозой. Так, о кухарке «дед» рассказывает:

«Готовит разные макароны,
из которых выют гнезда вороны.
Варит суп
из разных круп».

И дальше заключает прозаической фразой: «Которым мостовую посыпают». Затем продолжает стихами:

«...Кофе-то варила,
меня не напоила.
Бог покарал,
после в саже замарал».

Прибаутка заканчивается прозаической речью: «Забыла мою хлеб-соль, как я у тебя обедал» (60, № 16, стр. 117).

Иногда в ярмарочных произведениях преобладает проза, иногда стих.

Эти вставки прозаической речи среди стихов отнюдь не являются забвением отдельных стихотворных мест. Это известный своеобразный художественный прием. Такие прозаические отступления, как бы отдохновение от стихов,

производят сильное впечатление на слушателей, привлекают особое их внимание к прозаическому тексту и одновременно способствуют более интенсивному восприятию следующих за прозой стихов.

Где произносится в фольклоре прозаическая речь, а где стихи — можно установить при слушании исполнения сказочником, свадебным дружкой, а прежде балаганным «дедом», раешником и другими этого произведения или же записи этого произведения на магнитофонной ленте.

Мы наметили ряд задач, которые стоят перед фольклористом, изучающим площадной фольклор народных гуляний и ярмарок. В дальнейшем необходимо определить отличительные черты юмора и сатиры в разных видах ярмарочного фольклора. Изучение художественных средств устного ярмарочного фольклора, несомненно, многое объяснит нам при анализе юмористических и сатирических русских произведений XVII века, дошедших до нас в рукописях далеко не полностью.

Изучение художественных средств народного юмора и сатиры будет полезным и для исследователей фольклора площади и карнавала более далеких времен, в частности позднего средневековья и раннего Ренессанса у разных народов.

Мы старались выявить в русском, а также чешском фольклоре большую роль юмора. Юмористическая струя в народном фольклоре недостаточно подробно изучается. На народных гуляниях, на ярмарках и карнавалах многие выпады балаганных «дедов» против публики прощались потому, что эти выпады воспринимались как шутка. Здесь царствовала атмосфера смеха ради смеха. Однако точно установить границу, где кончается юмор и начинается сатира, всегда трудно. Посетители народных гуляний нередко отмечали в своих воспоминаниях сатирические выпады балаганных «дедов», раешников, «Петрушки».